

Кутырева Ирина Викторовна

Тематизация языка: историко-философский аспект

09.00.03 – история философии по философским наукам

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Саратов — 2010

Работа выполнена в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского

Научный руководитель доктор философских наук, профессор Фриауф Василий Александрович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ Гасилин Владимир Николаевич, Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина

кандидат философских наук Ромащенко Александр Александрович, Саратовский государственный технический университет

Ведущая организация Волгоградский государственный университет

Защита состоится «7» декабря 2010 г. в 14 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.243.09 при Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, XII корпус, ауд.203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «___» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Листвина Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена трансформационными процессами языка, происходящими в современном обществе. Тема языка является интересной во все эпохи, но на сегодняшний день, когда в обществе происходят глубинные перемены, данная тема проявляет себя наиболее остро. Роли, отводимые языку во всех эпохах, были различными. В истории философской мысли язык рассматривался с разных сторон, что определялось ценностными доминантами тех или иных эпох. Особенно пристальный интерес к проблемам языка начинает зарождаться в начале XX века, когда предметом своего исследования разные науки определяют язык. На сегодняшний день проблема языка – это поле, где не утихают споры между представителями различных позиций: философских, культурологических, лингвистических, психологических. Безусловно, этот факт ведет к расширению подходов, исследующих данную проблему. Но подобное бесконечное расширение ведет не только к углублению в изучении проблемы языка путем многоплановости исследования, но и создает определенную кризисную ситуацию, когда языком называется чуть ли не все, что вообще подлежит исследованию.

Рассматривая различные исторические эпохи, мы отмечаем, что в каждой из них язык понимался в соответствии с установками, которые были характерны для того времени. Примечательным является и то, что особый интерес среди эпох представляет именно современная, эпоха постмодернизма, или уже пост–постмодернизма, принеся с собой не столько «новое», сколько разлом и полное отрицание разработок проблемы языка, ставших традиционными.

Но как долго продержится это «новое», насколько оно отвечает мировоззрению и пониманию современного человека, способно ли ответить на все вопросы. Если да, то как быть с ценностными ориентирами прежних эпох? Если нет, то что придет на смену этому «новому», бесконечному и ставшему отчасти уже традиционным? Поставленные вопросы подталкивают исследователей к бурному обсуждению проблем языка.

Степень разработанности проблемы. В современной науке проблема языка рассматривается с позиций различных дисциплин: семиотики, герменевтики, лингвистики, психологии, философии, культурологии и поэтому имеет, как было уже отмечено, междисциплинарный характер исследования.

Так, выше обозначенному *семиотическому анализу языка* посвящены работы и отечественных, и зарубежных мыслителей. На начальном этапе в семиотике как таковой целесообразно различать семиотику знака и семиотику языка как знаковой системы, в связи с чем

выделяются две традиции: логическая и лингвистическая. Логическая традиция связана с именами Ч.С. Пирса¹ и Ч.У. Морриса², лингвистическая с ярким именем Ф. де Соссюра³.

Среди отечественных исследований, мы выделяем разработки представителей Тартуско–Московской семиотической школы, которая опирается на концепции обозначенных исследователей. Особо интересными представляются исследования Лотмана Ю.М.⁴, Успенского Б.А.⁵.

Семиотические идеи способствуют расширению исследований во всех отраслях гуманитарных наук и становлению целостного научного подхода. В связи с чем нами изучены работы и французских структуралистов и постструктуралистов – последователей Ф.де Соссюра, в частности концепции Ролана Барта⁶, Мишеля Фуко⁷, Жана-Франсуа Лиотара⁸, Жилия Делеза⁹, Жана Бодрийяра¹⁰, Жака Деррида¹¹. Безусловно, представляет интерес сопоставление позиций западного постструктурализма и отечественной семиотической традиции в лице Тартуско-Московской семиотической школы, имеющих разный подход к исследованию, но опирающихся на одну и ту же теоретическую базу.

Так, одни авторы (Тартуско–Московская школа) считают, что не язык, а текст является тем звеном, через которое рассматривается история, а вместе с ней и культура, точнее, культура рассматривается в качестве текста, причем язык и текст не сводимы друг к другу, так как текст может быть больше языка. Французская же школа структурализма и постструктурализма представляет возможность изучения истории и культуры общества через язык как важнейшую из знаковых систем, и понятие языка в данном случае рассматривается естественно шире чем текст.

В постановке проблемы языка ярко заявил о себе и *герменевтический подход*, занимающийся интерпретацией текста,

¹ Пирс Ч.С. Элементы логики // Семиотика: Сборник переводов. / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 151- 210.

² Charles Morris; Daniel J. Hamilton. Aesthetics, Signs, and Icons. Philosophy and Phenomenological Research, Vol. 25, No. 3. (Mar., 1965), pp. 356-364.

³ Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / Пер. с фр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.

⁴ Лотман Ю. М. Избр. статьи в 3-х томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн, 1992. – 479 с.

⁵ Успенский Б. А. Избр. труды в 3-х томах, Т.1 Семиотика истории и семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1996, - 608 с.

⁶ Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.

⁷ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.

⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

⁹ Делёз Ж. Различие и повторение. – М.: Петрополис, 1998. – 384 с.

¹⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 387с.

¹¹ Деррида Ж. О грамматологии – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.

конструированием и реконструированием смысла, представителями которого являются Ф. Аст, Ф. Шлейермахер, а в 20 веке Г.–Г. Гадамер¹², П. Рикер¹³. Исследуя проблему языка необходимо также обратиться к трудам М. Хайдеггера.¹⁴

Дискуссии о проблеме языка разворачиваются и в рамках русской философии имени. В рамках *религиозно-философской парадигмы* для нас особый интерес представляют труды С. Н. Булгакова¹⁵, А.Ф. Лосева¹⁶, П.А. Флоренского¹⁷.

Философско-культурологическое осмысление концепта языка мы находим у Э. Кассирера в его «Философии символических форм»¹⁸, определявшего как важнейшую символическую форму человеческой деятельности древний миф, а также у И.Т. Касавина¹⁹, М.К. Петрова²⁰.

Рассматривая различные эпохи, необходимо несколько подробнее остановиться на современной, так как именно в эту эпоху происходят глубинные перемены в языке. В русле осмысления эпохи постмодерна можно назвать работы В. Вельша²¹, Ч. Дженкса²², И.П. Ильина²³, Ж. Лиотара, Л. Мочалова, В. Подорога, М.Г. Торбург, У. Эко²⁴, М. Эпштейна²⁵.

Но, несмотря на достаточно серьезные разработки и обширный пласт исследований разного рода (философских, лингвистических, культурологических), необходимо отметить отсутствие как в западной, так и в отечественной литературе работ, которые используют при определении феномена языка несколько разных подходов в совокупности. Актуальность

¹² Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

¹³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Искусство, 1995. – 412с.

¹⁴ Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

¹⁵ Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 1998. – 448 с.

¹⁶ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 497 с.

¹⁷ Флоренский П. А. Имена // Имена: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО Пресс; 1998. – С. 449 – 662.

¹⁸ Кассирер Э. Философия символических форм. Т.1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 271с.

¹⁹ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. - М.: Канон+, 2008. – 437 с.

²⁰ Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.

²¹ Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. Международный философский журнал. 1992. – № 1. – С. 109-136.

²² Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.

²³ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.

²⁴ Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб.: Александрия, 2007. – 223 с.

²⁵ Эпштейн М.Н. Постмодерн в России: Литература и теория. – М.: Изд-е Р. Элинина, 2000. – 368 с.

обозначенной тематики, ее недостаточная степень разработанности и обусловили выбор темы, постановку целей и задач исследования.

Объектом исследования является феномен языка.

Предмет исследования — вариативность истолкования языка в истории западной и русской философии.

Целью исследования является осмысление историко-философской трансформации проблем языка в рамках концепции его знаково-символьной природы.

Реализация данной цели достигается решением следующих **задач**:

1. обосновать изначальную двойственность природы языка;
2. выявить базовые методологемы истолкования языка в историко-философском процессе;
3. показать специфику соотношения языка-символа и языка-знака в истории европейской философии;
4. определить специфику истолкования языка в русской философской традиции;
5. предложить авторское видение метаморфоз понимания языка в философии постмодерна.

Теоретико–методологической основой данного исследования является комплексное соединение философского и лингвистического знания, которое дает основание для целостного анализа изучаемой проблемы. Используемые методы исследования определены особенностями темы. В диссертационном исследовании используются герменевтические и феноменологические приемы исследования, проблемно-тематический способ анализа и изложения материала, применяется структурный, исторический и сравнительно-исторический методы, что позволяет объективно рассмотреть проблему.

Новизна проведённого **исследования** заключается в следующих тезисах:

1. Впервые предложена и обоснована гипотеза, согласно которой феномен языка имеет не один, а два генетических истока, а именно: Имя и Число как онтологические трансценденции.

2. На этой основе выявлены две базовые методологемы в историко-философском осмыслении языка: основанная на природе числа семиотическая методологема и основанная на природе Имени символическая методологема истолкования языка.

3. Историко-философский процесс осмысления языка впервые рассмотрен как три этапа соотношения языка-символа и языка-знака.

4. Спецификой осмысления языка в истории русской философии является её отчётливая обусловленность именной (символической) методологемой.

5. Постмодернистская интерпретация языка обусловлена семиотическими смещениями между означающими и означаемыми в структуре знака.

В результате проведенного исследования сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Гипотеза "адамического" пра-языка, которая являлась базовой парадигмой философских и лингвистических исследований языка в истории западной философии и науки, не выдержала теоретической и эмпирической проверки. В предложенном диссертационном исследовании впервые предложена и апробирована на историко-философском материале гипотеза, согласно которой в основе происхождения и сущности языка преднаходятся не один, а два принципа: принцип Имени и принцип Числа.

2. Историко-философский процесс осмысления и истолкования природы языка, начиная с античной философии и до философии Новейшего времени, демонстрирует взаимодействие двух основных методологических стратегий. Первая обусловлена числовым началом языка и семиотической парадигмой в истолковании природы и функций языка. Соответственно, она тяготеет к эмпирическим, сциентистским моделям языка и поискам его антропогенной и культурогенной основы. Вторая методологическая стратегия обусловлена именованным началом языка и символической парадигмой истолкования загадки языка. Соответственно, она порождает сакральные – мифологические, религиозные и религиозно-философские – учения о происхождении и сущности языка.

3. Историко-философские исследования по теме языка обычно тяготеют к персоналиям и конкретным эпохам, анализируя общие установки и конкретные концепции мыслителей разных эпох. В настоящем исследовании предложена инновационная модель, а именно: понимание и истолкование языка в концепциях тех или иных представителей истории философии трактуется как форма соотношения языка-знака и языка-символа на данном историческом этапе становления самого языка и его действия в реальном процессе создания философских систем мысли.

4. Оригинальность русской философской традиции, как показано в ходе настоящего исследования, обусловлена её преимущественной ориентацией на именную, символическую установку как самого философствования, так и понимания и толкования загадки природы языка. Наиболее ярким и выразительным примером такой установки является оригинальная русская философия Имени, развитая в трудах П. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева.

5. Впечатляющие своим разнообразием концепции и трактовки как самой ситуации постмодерна, так и многочисленных постмодернистских трактовок языка, письма, текста обусловлены, как это показано настоящим исследованием, одним решающим моментом, который обычно упускается из виду авторами-исследователями этого периода истории современной философии. А именно, топологическим смещением между означаемыми и означающими в структуре уже не символа, но самого знака. Это особенно наглядно демонстрируют исследования Ж. Лакана, Ж. Деррида, Ж. Делёза и Ж. Бодрийяра.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования связана с возможностью дальнейшего изучения проблемы языка в заданном русле, философского осмысления специфики языка, его функций. Положения и выводы, предлагаемые в работе, способствуют переоценке классических представлений о природе языка, сопоставляя и дополняя их. Комплексный характер проведенного исследования позволяет использовать материалы диссертации в курсе истории философии, в спецкурсах по философии языка, текста и методологии исследования культуры.

Кроме того, результаты и выводы нашего исследования имеют, безусловно, и практическую значимость: они служат основой для конкретных рекомендаций по проблемам коммуникации и взаимопонимания между различными социальными субъектами, а также значимость исследования проблемы языка в культуре связана с выяснением причин внутри и межкультурных конфликтов, объяснения многих явлений и процессов на различных уровнях, в том числе и на личностном, а также поиск путей решения.

Апробация работы. Материалы диссертации нашли свое отражение в 13 научных публикациях. Положения диссертационного исследования излагались на научных конференциях, в том числе и международного уровня. Основные выводы данного исследования были изложены следующих конференциях: научно–практической конференции «Общество риска: цивилизационный вызов и ответы человечества» (Саратов, декабрь 2006г.), межвузовской научной конференции «Философские проблемы художественного творчества» (Саратов, январь 2007 г.), четвертой международной конференции «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, май 2007 г.), всероссийской научно–практической конференции «Наука, власть и общество перед лицом экологических рисков и опасностей» (Саратов, октябрь 2007 г.), научной конференции «Ценностный мир человека в современном обществе» (Саратов, декабрь 2007 г.), пятых региональных «Пименовских чтениях» (Саратов, 2007 г.), шестых региональных «Пименовских чтениях» (Саратов, 2008 г.), всероссийской конференции «Российский интеллект: исторические судьбы и цивилизационные перспективы» (Саратов, октябрь 2008 г.), научной конференции «Жизнь: бытийственный, ценностный и аксиологический аспекты» (Саратов, 2008 г.), научной конференции «Культура, наука, человек в постсовременном обществе» (Саратов, 2008), седьмых межрегиональных «Пименовских чтениях» (Саратов, 2009 г.), научной конференции «Общество знаний в XXI веке» (Саратов 2009 г.), международной научно-практической конференции «Человек в пространстве болезни: гуманитарные методы исследования медицины» (Саратов, 2009 г.), международной научно-практической конференции «Славянский мир: общность и многообразие» (Саратов, 2009 г.).

Структура диссертационного исследования подчинена решению основных целей и задач и состоит из введения, двух глав (обе главы включают в себя по два параграфа), заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее разработанности, определяется объект, предмет исследования, формулируются цель и задачи исследования, аспекты научной новизны, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Тема языка в истории философии» имеет своей целью рассмотрение становления понятия языка в истории философской мысли, а также выявление изменений отношений к языку и в языке в контексте различных исторических эпох.

В первом параграфе первой главы «Становление взглядов на происхождение и сущность языка» рассматриваются представления о языке в различные периоды в истории философии, начиная с античности и заканчивая XX веком.

Отмечается, что в истории философской мысли сложились разные точки зрения на язык. На основании огромного пласта исследований касательно обозначенной проблематики, зачастую выделяются несколько установок в зависимости от широты трактовки языка: семиологическая, антропологическая, теологическая и другие.

Автором на основе всего разнообразия установок выявляются две парадигмы рассмотрения языка. Согласно первой язык развивается вместе с эволюцией человека и, соответственно, имеет антропогенно-культурологическое происхождение. Согласно противоположной парадигме язык сам выступает как первичная реальность, формируя онтологию.

Понятно, что историко-философский процесс осмысления языка невозможно свести только лишь к какой-либо одной установке. В связи с чем предпринимается попытка рассмотрения проблем языка в русле нескольких подходов.

Рассматривая язык в историческом становлении, делается акцент в том числе на природу языка. Так, определяется, что еще мыслителей античности интересовал вопрос о происхождении и сущности языка. В текстах античных авторов – Платона, Аристотеля – мы не находим размышления о языке как таковом, а только о существовании имен. Но рассматривая эпоху в историко-культурологическом контексте, предполагается, что имя, слово, язык являлись сущностно тождественными понятиями.

В средние века аналогичным является сведение вопроса о происхождении языка к вопросу о происхождении Слова, решение

которого имело строго теологическое обоснование, отсылавшее к библейским текстам.

Зачастую в средневековых концепциях понятие язык (всегда подразумевается латинский язык) и грамматика (соответственно, латинская грамматика) являются тождественными. Из этого следует, что история средневекового языкознания в целом совпадает с историей латинской грамматики.

В восприятии гуманистов эта преемственность нарушается. Гуманисты первыми обратили внимание на то, что язык может улучшаться или ухудшаться во времени, кроме того эти процессы были ими связаны с уровнем культуры и образования в обществе.

В эпоху Возрождения утверждается текстуально-историческое истолкование, направленное на прояснение значения неясных слов и воспроизведение исторического контекста мысли. А эпоха Просвещения выдвинула концепции интерпретации, опирающиеся на исторические установки.

Новое время дало обоснование нового идеала знания, которое предстало в новой теории языка, а именно, представление, что в основе всякой речи должна лежать одна универсальная, обусловленная разумом форма языка вообще, скрываемая, конечно же, множеством и разнообразием форм слова, которые, однако, не могут сделать ее совершенно непознаваемой. Тем самым ориентации на грамматику, в том числе и в чистой философии языка, все более сознательно и решительно противопоставляется требование иной ориентации. Подлинно систематическое понимание и структурирование языка, как теперь представляется, может быть достигнуто только в том случае, если оно будет ориентироваться на математику и использовать ее в качестве эталона.

Подобно тому, как из относительно небольшого числа знаков можно построить всю систему арифметики, так и с помощью ограниченного числа языковых знаков, если только сочетать их по определенным универсальным правилам, возможно исчерпывающее обозначение всей совокупности содержательных элементов мышления и их структуры. В эпоху Нового времени одна за другой появляются системы разнообразных искусственных универсальных языков, чрезвычайно различных по форме, но совпадающих по основной идее и принципу их построения. В каждом случае исходили из того, что число понятий ограничено, что каждое из них находится с другими в определенном предметном отношении, включается в них или связано с ними иерархическими отношениями, и что цель подлинно совершенного языка заключается в том, чтобы адекватно выразить в некоторой системе знаков эту естественную иерархию понятий.

В истории философской мысли представлен и иной путь рассмотрения языка, свойственный философии эмпиризма. В соответствии со своей основной тенденцией язык следует познавать лишь в его

психологической составляющей и оценивать по его психологическому результату. Таким образом, логический подход выводит рассуждение на проблему универсального языка, психологический анализ диктует прямо противоположный путь.

Таким образом, автором демонстрируется многообразие теорий и подходов. Но эмпиристские и рационалистические, психологические и логические теории языка — в том виде, в каком они встречаются, — несмотря на все существующие между ними противоречия, все же объединяются одной принципиальной чертой. Они рассматривают язык главным образом в его теоретическом содержании: в соответствии с его местом в познании как целом и в соответствии с тем, что он дает для развития познания. Понимается ли язык как непосредственное порождение разума и как его необходимый орган, или же слово считается всего лишь оболочкой, скрывающей исходные данные познания, «первичные перцепции» духа, — в любом случае цель языка усматривается в теоретическом знании и выражении этого знания; именно относительно этой цели и определяется позитивная или негативная роль языка. Слова являются знаками идей — причем идеи понимаются либо как объективно необходимые содержательные элементы познания, либо как субъективные «представления». Однако чем больше расширяется и углубляется понятие «субъективность», которое последовательно разрабатывает философия Нового времени, чем явственнее вырастает из него новое, поистине универсальное понимание спонтанности духа, которая сразу же оказывается спонтанностью чувства и воли, а также спонтанностью познания, тем решительнее ощущается необходимость обратить внимание на иной момент функциональных возможностей языка. Если попытаться проследить наиболее ранние истоки языка, то он предстанет не столько репрезентативным знаком представлений, сколько эмоциональным знаком аффекта и чувственного стремления.

В XIX веке В. фон Гумбольдт стремится объяснить язык и знак через психические, этнические и социальные структуры. В воззрениях на язык XIX века мы видим отсутствие первичного, изначального слова, посредством которого бесконечное движение речи обретает свое обоснование и предел. Язык здесь часто представляется без начала и без конца, в связи с чем большая роль отводится возможности интерпретации текста, герменевтическому приему.

В XX веке язык рассматривается с точки зрения различных подходов, одни из которых базируются на своеобразных модификациях предшествующих теорий, другие — пытаются сломать сложившиеся представления о языке.

Автором диссертации отмечается, что несмотря на дистанцирование анализируемой эпохи от презумпций классической и неклассической философских традиций, она сама по себе во многом восходит к неклассическому типу философствования, и, в частности, к структурному психоанализу, феноменологии, философии Хайдеггера,

традициям "постнаучного мышления" и "поэтического мышления", а также к традициям семиотики и структурной лингвистики, в том числе - к учению Ф. де Соссюра.

Проведенный анализ позволяет делать выводы о том, как развивались представления о языке в истории философской мысли, в соответствии с чем, определяя сущность языка, выделяется два основных направления: 1 – подходы, в которых язык сводится к знаковым процессам и 2 – подходы, в которых язык сводится к символическим процессам. В связи с чем поднимаются вопросы о знаковой/символической природе языка. На основании проведенного анализа в первом параграфе, становится ясно, что в истории философской мысли вопрос о том, какое соотношение в языке имели знаки и символы развивался с перемещением акцента от знака к символу и наоборот. На основании этого возникает необходимость проведения анализа соотношения языка–знака и языка–символа в истории философии.

Второй параграф первой главы «Исторические этапы соотношения языка–знака и языка–символа» имеет целью рассмотрение историко-философского процесса осмысления языка как этапов соотношения языка-символа и языка-знака.

Для данного исследования методологической основой является разработка тех принципов, которые изложены, в частности, в работах В.А. Фриуфа, посвященных обозначенной тематике. Эти принципы автором исследования применяются к конкретно историческому материалу.

Языковая презентация онтологии символа обозначается автором как язык-символ. На онтологии символа основано именно имя, точнее Логос, которое и являлось генетическим истоком языка как такового.

Генетическим же истоком языка-знака является число, которое представляет онтологию инобытия. Вспомним Платона и его последователей, считавших, что именно число ответственно за множественность как природу бытия.

Можно предположить, что число по природе противостоит имени, так как имя основано на эффекте синергии, число, напротив, основано на «размыве энергий». Подобные рассуждения подводят нас к определению знака как презентации числа, которая проявляется в семиозисе, а символа как презентации имени, которая проявляется в символизисе.

Акцентируя внимание на подходе к языку с точки зрения его не только знаковой, но и символической природы, а также ссылаясь на проведенный в первом параграфе анализ работ по языку в истории философской мысли, автор выделяет 3 этапа, когда в языке совершаются знаково-символические метаморфозы:

- античность
- средние века
- современная эпоха.

Опираясь на рассмотрение античной эпохи и на проведенное размежевание понятий знака и символа, нами выдвигается предположение, что язык–знак в период античности пытается выдавать себя за язык–символ, так как слово само по себе для времен античности было не просто обозначением или наименованием, и не просто духовным символом бытия, оно само являлось его реальной частью. Одним из ключевых вопросов среди античных философов был следующий: существуют ли имена «по природе» или «по установлению». Понималось ли имя как знак или как символ в работах античных авторов – весьма спорный вопрос. Сам знак в эпоху античности трактуется как состоящий как минимум из трех компонентов: метка – означающее, содержание – означаемое и морфологическое подобие самого знака обозначаемому им явлению.

Пришедшая на смену эпоха средневековья знаменует собой изменение внешнего подобия знаков и обозначаемого на внутреннее. Письменные знаки и речь соединяются воедино, исчезает свойственное античности отсутствие корреляции между письмом и звучащей речью.

Из трехкомпонентной структуры знака исчезает один из компонентов – морфологическое подобие. И теперь знак – это тот самый (в нынешнем смысле) союз означаемого и означающего.

Язык-символ на этой стадии обособляется от языка-знака. Подобное обособление есть не что иное, как проявление различия мирского и священного.

Рассматривая современную эпоху, можно выдвинуть предположение, что на данном этапе топологический сдвиг происходит уже в самом знаке – между означаемым и означающим. Таким образом, знаки симулируют не внешнее подобие знаков и предметов, не внутреннее подобие, а самих себя. Теперь уже знак указывает не на предметы и не на субъекта познания, а на самого себя и единственной формой своего самотождества является принцип различия в самом знаке. Автор для аргументации своего предположения обращается к теории симулякров Бодрийяра, к принципу деконструкции Деррида, и к Делезу, выдвигающему идею, согласно которой симулякр есть система мышления, где различие постигается не на фоне тождества, а на фоне самого различия, что отчетливо демонстрирует ситуация постмодерна.

Кроме того, при рассуждениях о постмодерне затрагивается тема культивации смерти применительно к данной эпохе. Ссылаясь на Р. Барта, М. Фуко, М. Бланшо, Э. Левинаса и Ж. Лакана, рассматривается проблема «Другого», проблема отсутствия, различия, что позволяет многогранно поставить вопрос о взаимоотношении бытия и человека, так как именно эти отношения скрывают под собой основу языка. И это отношение – отношение различия. В этом утверждении можно опереться и на М. Хайдеггера, согласно которому значимость мысли сообщает не то, о чем она умалчивает, выводя это на свет способом, который нельзя назвать высказыванием, это то, что есть различие, что не может быть сказано, что проявляется в двойственности сущего и бытия; и Э. Левинаса, согласно

которому акт – существование (то же, что у Хайдеггера – бытие) становится двойственным.

Таким образом, рассмотрение языка в истории философии путем соотношения существования языка в историческом становлении дает ключ к пониманию, каким образом происходили метаморфозы языка-знака и языка-символа, что позволяет в последующих параграфах разобраться, что происходит с языком в настоящее время, какие метаморфозы языка характерны для современной эпохи.

Вторая глава «Семиотические и символические редукции языка в современной философии» имеет целью истолкование языка в соотношении языка-знака и языка-символа применительно к современной эпохе.

Первый параграф второй главы «Суть и смысл лингвистического поворота», посвящен рассмотрению философской проблематики языка начала XX века, которая обозначила переход от классической философии, с её принципом *cogito* в качестве исходного пункта философствования, к философии неклассической, с характерной для неё критикой метафизики сознания и обращением к языку.

Классическая философия тематизировала проблематику языка в двух направлениях. Во-первых, она пыталась объяснить генезис языка, и, во-вторых, она пыталась объяснить взаимосвязь языка и мышления. Но при всех воззрениях на язык, он, тем не менее, рассматривался просто как средство выражения мысли. Позже В. Гумбольдт задает принципиально новую перспективу исследования языка, а именно язык как созидующий процесс, как деятельность. Язык у Гумбольдта образует тот мир, который лежит между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Но, несмотря на оригинальность лингвистической концепции Гумбольдта, она все-таки не оказала существенного влияния на философское представление о языке. И лишь в начале XX века в языкознании возникают концепции, которые вносят иное, расширенное понимание языка.

В опыте мысли XX века вопрос о языке выходит на первое место и становится своего рода мировоззренческой и методологической парадигмой. Таким образом, понятие лингвистического поворота связано с качественно иным пониманием природы языка и внеязыковой реальности.

Обращаясь к семиотическому анализу языка и структурной лингвистике на рубеже XX века, целесообразно различать семиотику знака и семиотику языка как знаковой системы. Соответственно, можно различать две тенденции в семиотике, которые могут быть определены как логическая и лингвистическая.

В первом случае внимание исследователя сосредоточено на изолированном знаке, то есть на отношении к значению, к адресату. В этом смысле можно говорить о семантике, синтаксисе и прагматике знака, о структуре знака, а также исследовать процесс семиозиса, то есть превращение не-знака в знак.

Во втором случае исследователь сосредоточивает свое внимание не на отдельном знаке, но на языке как механизме передаче содержания, пользуясь определенным набором элементарных знаков. Для лингвистической традиции любой язык представляет в своей совокупности обширную, строго когерентную систему, состоящую из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое.

Л. Витгенштейн предпринял попытку заменить понятие языка понятием языковой игры, отказавшись таким образом от анализа сущностной природы языка. Язык понимается им как набор определенных функций. Особенностью подхода Витгенштейна является то обстоятельство, что, как правило, он работает не с языком в целом, не с классом знаков или набором лингвистических и грамматических категорий, а с одним или несколькими высказываниями или предложениями в ситуации их реального употребления. Витгенштейн рассматривает язык не как знаковую структуру, используемую в целях коммуникации, а язык в его деятельностном аспекте, то есть высказывания, включенные в определенный контекст их употребления. Подобное «игровое» отношение к языку постулируется многими концепциями XX века, которые внесли качественно иное восприятие понятия языка.

В параграфе рассматриваются также концепции М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, П. Рикера, М. Мерло-Понти, которые внесли новое понимание в философию языка, привели к переосмыслению таких концептов, как «язык», «текст», «дискурс», «сюжет», а также расширили сферы их применения.

Таким образом, научная база для исследований языка все более расширяется и углубляется, что ведет к переосмыслению проблем языка, ставших традиционными.

Второй параграф второй главы «Семиотизм и символизм в русской и в западной философской традиции» имеет задачей определение специфики истолкования языка в двух традициях, с последующим выявлением доминанты языкового начала в современной культуре.

Автором противопоставляется понимание символа в русской философской традиции пониманию символа в других концепциях. Отмечается, что понятием символа оперирует в том числе и семиотика, но она предлагает качественно иное понимание, символ понимается прежде всего как знак, хотя и особого свойства.

Традиция русской философии имени рассматривает символы как не культурального происхождения, они имеют сакральный исток и представляют собой бытие, которое больше самого себя. Автором показывается, что оригинальность русской философской традиции обусловлена ее преимущественной ориентацией на символическую установку понимания сущности языка. Особенность западной

философской традиции состоит в ориентации на знаковую установку понимания.

Кроме того, автором показывается, что в современном языке метаморфозы происходят уже не от знака к символу и наоборот, а в структуре самого знака.

Определяя характерные черты эпохи современности, эпохи «симулякров порядка симуляций», мы можем в силу определенных причин говорить только о языке–знаке, а если быть точнее – языке–коде. Эпоха виртуальной сверхреальности исключает необходимость наличия языка–символа. В соответствии с чем возникает вполне обоснованный вопрос: означает ли это полное отсутствие символов в современной культуре? Во многом это зависит от того, как определяется символ. В исследовании утверждается, что для современной эпохи символ является только лишь специфичным знаком культуры.

Автором показывается, как для эпохи симулякров третьего порядка характерной чертой становится самореферентность. Язык–код в обозначенную эпоху уже не нуждается в знаковой репрезентации. Реальность, которая не существует, вернее, которая существует виртуально, диктует свои правила. В этой виртуальной гиперреальности такие категории, как время и пространство, наделяются другими характеристиками. Понятно, что в новой реальности меняются не только категории времени и пространства, меняется вообще проблема значений, что отражается в языке: в знаке разрывается связь между означающим и означаемым.

Отмечается, что любая культура демонстрирует себя с помощью знаковых систем. Знаки являют собой материальную культуру, предметы, созданные руками человека. Но есть еще и символы, которые даны как смыслы прежде культуры, существующие как нечто бессознательное. Поэтому бытие культуры автором определяется как наличие двух составляющих в языке: семиозиса и символизиса.

Рассматривая современную ситуацию, сложно говорить о существовании в культуре бессознательного (символизиса), учитывая, что мы встречаемся даже не со знаками, обозначающими реальность, но со знаками–фикциями, не связанными никаким образом с обозначаемой реальностью (Ж. Бодрийяр). Автором делается вывод, что в постмодерне знак является собственно объективно существующим пространством, не связанным ни с человеком, ни с действительностью, он ничего не означает или означает лишь самого себя, но при этом в человеческом общении знак сохраняет свойства симулякра. Соответственно, и означение, создание текстов культуры есть не более чем «производство фикций», фиксация смысла, который самому себе не соответствует. В результате мы наблюдаем формирование новой среды жизнетворчества, в которой меняется не только отношение между формой и содержанием, но меняется, как мы выше отметили, смысл пространства и времени, влекущий за собой виртуальную сверхреальность.

В заключении диссертационного исследования подводятся общие итоги проведенного анализа, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейших изысканий по заявленной теме.

Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ:

1. Кутырева И.В. Язык: от истока до современности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Том 9. Выпуск 3. — Саратов, 2009. — С. 27—30. 0,4 п.л.
2. Кутырева И.В. Метаморфозы языка в постмодерне // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Том 10. Выпуск 2. — Саратов, 2010. — С. 21—25. 0,4 п.л.

Публикации в других изданиях:

3. Кутырева И.В. Семиотический подход как культурологический ответ на вызов эпохи // Общество риска: цивилизационный вызов и ответы человечества. — Саратов: Научная книга, 2006. — С. 188—191. 0,2 п.л.
4. Кутырева И.В. «Смыслораскрываемость» как ключевой момент художественного текста // Философские проблемы художественного творчества. — Саратов: Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова, 2007. — С. 35—41. 0,5 п.л.
5. Кутырева И.В. Философско-герменевтический подход как альтернатива социальным рискам // Наука, власть и общество перед лицом экологических рисков и опасностей. — Саратов: Наука, 2007. — С. 103—104. 0,1 п.л.
6. Кутырева И.В. Семиотическая модель коммуникации в антропологическом контексте современной культуры // Человек в современных философских концепциях. — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2007. — С. 211—216. 0,3 п.л.
7. Кутырева И.В. Проблема знака и безграничности смысла в современной культуре // Ценностный мир человека в современном обществе. — Саратов: Наука, 2007. — С. 62—64. 0,2 п.л.
8. Кутырева И.В. Сакральное происхождение или орудие человеческого разума: к вопросу о сущности языка // Церковь и образование: значение православных духовно-нравственных ценностей в современной России. — Саратов: Издательство Саратовской епархии, 2008. — С. 89—95. 0,5 п.л.
9. Кутырева И.В. Ценностные основания жизни и языка в эпоху постмодерна // Жизнь: бытийственный, ценностный и аксиологический аспекты. — Саратов: Наука, 2008. — С.97—102. 0,4 п.л.

10. Кутырева И.В. Модель языка современности: интеллектуальное поле // Российский интеллектуал: исторические судьбы и цивилизационные перспективы. — Саратов: Наука, 2008. — С. 66—72. 0,5 п.л.
11. Кутырева И.В. Языковая парадигма современности // Культура, наука, человек в постсовременном обществе. — Саратов: Наука, 2009. — С. 185—191. 0,4 п.л.
12. Кутырева И.В. Языковая проблематика в пространстве гуманитарного знания // Человек в пространстве болезни: гуманитарные методы исследования медицины. — Саратов: Наука, 2009. — С. 96—102. 0,5 п.л.
13. Кутырева И.В. Метаморфозы языка: от античности до современности // Общество знаний в XXI веке: Сборник статей молодых ученых. — Саратов: Наука, 2010. — С. 190—196. 0,5 п.л.